

К ужину пришли Саньпао и Цзысу.

Са Мо наклонился к самому уху Саньпао и прошептал:

— А, так ты всё-таки ходил встречать Цзысу.

Саньпао закатил глаза, сел рядом с Цзысу и, окружив её заботой, принялся шутить и расспрашивать о делах. Вся компания расселась за столом; в воздухе стоял шум, гам и смех — царило полное веселье.

Юань Чжань, заразившись их непринужденной и свободной атмосферой, тоже позволил себе расслабиться. В его жизни ещё не было такого момента, чтобы он вел себя за столом столь «неподобающе». Эта теплота и близость дарили ему ощущение самой обычной, простой семьи. Он невольно усмехнулся про себя: оказывается, он даже не знал, что такое обычное домашнее тепло. В его мире семейные обеды чаще всего были лишь утомительной обязанностью. Родственники, сидящие за одним столом, не открывали друг другу сердца и не смеялись от души — они лишь прощупывали почву, каждое слово было пропитано скрытым смыслом, а слушатели строили свои коварные планы. Красивые тосты, что они произносили, были лишь фальшью. Здесь же всё было иначе: перепалки, подколы, шумные споры — зато в комнате чувствовалась искренность. Этот контраст заставлял Юань Чжана желать одного: остаться здесь и стать одним из них.

В этот момент Ли Чжи бросил взгляд на Са Мо, и они оба вышли на балкон. Фонари, подвешенные под карнизом, осветили их профили, и даже изнутри комнаты можно было разглядеть их лица.

Ли Чжи слегка нахмурился:

— Похоже, дело в этот раз непростое.

Са Мо отозвался:

— Плати больше.

Ли Чжи одарил его полным тоски взглядом:

— Я-то тебе доплачу, а кто доплатит мне?

— Это твои проблемы, меня не касается, — Са Мо сохранял прежнее беззаботное выражение лица.

Ли Чжи раздраженно вздохнул:

— И эта Шуанье тоже... Я же просил её вернуться пораньше, а она тянет до завтра. И ведь не сказать, что она так уж близка с родственниками в деревне. С чего бы ей задерживаться так надолго? Видимо, нашла себе труп для игр и теперь не хочет возвращаться.

Са Мо посерьезнел, тихо вздохнул и задумчиво произнес:

— Сегодня годовщина смерти Дэн Вэя.

Услышав это, Ли Чжи умолк. Долгое время они стояли в тишине.

Лишь спустя какое-то время Са Мо негромко сказал:

— Знаешь, иногда, когда раскрываешь слишком много дел, начинаешь сомневаться: есть ли вообще смысл в том, чтобы так надрываться ради поиска истины?

Ли Чжи возразил:

— Как это нет смысла? Не дать убийце уйти от правосудия, не позволить жертве умереть несправедливо — в этом и есть смысл поиска истины.

— Но, увидев столько так называемых истин... — Са Мо сделал паузу, — начинаешь сомневаться: если раскрытие правды причинит еще больше боли, какой в ней смысл?

— С древних времен добро и зло не были абсолютны, к чему ты так придираешься? — Ли Чжи тяжело вздохнул и, глядя на Са Мо, спросил: — Всё еще не можешь отпустить ту историю с Шуанье?

Са Мо равнодушно улыбнулся:

— Дело не в том, могу я отпустить или нет. Просто когда видишь подобное слишком часто, начинает казаться, что что-то здесь не так.

— Что именно?

— Трудно сказать точно. Например, те убеждения и принципы, которых я придерживался всё это время, — кажется, они не совсем верны.

— Они никогда и не были «верными» в том смысле, — Ли Чжи холодно усмехнулся. — Истину определяет большинство, а убеждения отстаивает меньшинство — у каждого своя правда. Просто у каждого есть своя ответственность: перед другими или перед самим собой. Раз уж ты сделал выбор, будь добр нести последствия. Здесь нет понятий «правильно» или «неправильно».

Са Мо посмотрел на него с нарочитым пренебрежением:

— Сразу видно чиновника. Так складно рассуждаешь.

Ли Чжи посмотрел ему прямо в глаза:

— А ты? Ты свой выбор сделал?

Са Мо не изменился в лице, хотя в голосе проскользнула тоска:

— А разве можно не выбирать?

— Это зависит только от тебя.

Са Мо горько усмехнулся:

— От меня? Давно уже кто-то другой всё выбрал за меня.

В этот момент Ли Чжи невольно бросил взгляд внутрь комнаты и встретился глазами с Юань Чжанем, который смотрел на них. Юань Чжань не стал отводить взгляд, лишь спокойно кивнул Ли Чжи и продолжил неспешно пить чай.

Ли Чжи спросил:

— Этот господин Юань из Цзиньлина?

— Ага.

— Судя по его манерам, он не просто сын богача. Скорее всего, отпрыск чиновника или даже кто-то из знати.

— Ты думаешь, я не вижу? — Са Мо с презрением взглянул на него.

— И что ты собираешься делать?

— В каком смысле «что собираюсь делать»? — Са Мо снова включил дурачка.

— Ты не думал наладить с ним отношения? Если придется ехать в Цзиньлин по делам, это был бы отличный способ добывать информацию.

— Не думал, — отрезал Са Мо.

— Не думал ехать в Цзиньлин или не думал его использовать? — не унимался Ли Чжи.

Са Мо промолчал.

— Похоже, и то, и другое, — Ли Чжи посмотрел на него с выражением «я тебя как

облупленного знаю».

Са Мо серьезно произнес:

— Мне просто очень совестно перед ним. Он искренне считает меня хорошим другом, по-настоящему добр ко мне, а я всё время его подставляю.

Ли Чжи иронично хмыкнул:

— Друзья для того и нужны, чтобы использовать друг друга. Я вот всегда готов, что меня используют, и сам готов использовать других. Не знаю, кто это сказал, но ты вдруг стал таким совестливым.

— Просто он очень искренний человек, тянется к простоте, поэтому и мне рядом с ним хочется стать проще, — Са Мо говорил всё серьезнее.

— «Только те, кто не может быть простым, тянутся к простоте» — чья это была теория? — Ли Чжи продолжал язвить, цитируя самого Са Мо. Глядя на его серьезное лицо, он добавил: — Когда ты раньше клялся в братстве стольким людям, ты ведь тоже искренне верил, что они хорошие, а через пару дней забывал о них напрочь.

— Я не забывал, — возразил Са Мо. — Просто не держал в голове постоянно. Встречу их снова — и всё вспомню. — Помолчав, он пробормотал себе под нос: — Но с ним всё иначе. Мне кажется, я буду помнить его всегда.

— Почему? — Ли Чжи стало по-настоящему любопытно.

— Не знаю. Просто такое чувство.

Ли Чжи холодно рассмеялся:

— Не потому ли, что он самый богатый?

Са Мо наконец рассмеялся и, посмотрев на Ли Чжи, с готовностью согласился:

— Именно поэтому.

Ли Чжи снова закатил глаза, но уже серьезно сказал:

— Упустить такой шанс — это на тебя не похоже.

Са Мо нахмурился:

— Мне всё равно очень неловко. Одно дело — выманивать у него деньги. Но если я

действительно поеду в Цзиньлин расследовать то дело, можно и головы лишиться. Если он просто богач — полбеда. А если он и правда из знати, вот тогда будут настоящие неприятности. Я ведь могу погубить всю его семью.

Видя, как сильно Са Мо переживает за Юань Чжана, Ли Чжи возмутился:

— Послушай, а разве ты мало моих денег вытянул? Разве мало пользовался моей должностью, чтобы проворачивать свои дела? Вот эта рука, которую я повредил из-за тебя, — почему ты не чувствуешь вины передо мной?

Са Мо фыркнул:

— Это другое, понимаешь?

— Чем же? — Ли Чжи выглядел обиженным.

— Это ты попросил меня помочь с делом, поэтому платишь мне деньги и обеспечиваешь мою безопасность — это твоя обязанность. К тому же, даже если я тебе должен, я помог тебе раскрыть столько крупных дел, благодаря которым ты получил повышение и разбогател. Считай, что я отдал долг. А с А-Чжаном всё иначе. Если я действительно буду ему должен, я не знаю, как отплатить — у меня нет таких денег.

Ли Чжи не нашелся что ответить:

— Ладно-ладно, ты великий сыщик, тебе виднее. — Спустя минуту он словно что-то вспомнил: — И не ломай голову раньше времени. Боюсь, когда он узнает, кто ты и что затеваешь, он сам будет рад отгородиться от тебя, чтобы знать не знать. Ты правда думаешь, что если он сейчас открывает тебе душу, то потом ради тебя на всё пойдет? Наивный! Чем богаче и влиятельнее человек, тем лучше он умеет избегать неприятностей. Понимаешь?

Услышав это, Са Мо замер, а затем грустно улыбнулся:

— И то верно. С чего бы ему?

— Вот именно. Перестань накручивать себя, занимайся своим делом. Где ты только набрался этой сентиментальности?

— У кого-то и набрался, — съязвил Са Мо, глядя на Ли Чжи.

Ли Чжи фыркнул:

— Делай что хочешь, мне всё равно.

— Как будто я когда-то был у тебя под началом, — буркнул Са Мо.

— Ладно-ладно, а ну-ка, помоги мне с моим делом, а? — Ли Чжи смущенно замялся. — Что на самом деле у Сы-нян на уме?

Са Мо преувеличенно тяжело вздохнул, сделав чересчур серьезное лицо:

— Господин Ли, могу сказать лишь одно: когда мой старший брат и Сы-нян расстались, это произошло не из-за отсутствия чувств, а из-за множества обстоятельств, с которыми они не могли справиться. Я помог тебе всем, чем мог, дальше — сам.

Ли Чжи замолчал.

— Ты не думал о том, что ты — чиновник, а она — бывшая воровка? Вы вообще подходите друг другу?

— Но она же завязала.

— Но прошлое-то никуда не делось.

— И что с того? В крайнем случае, уйду в отставку.

Са Мо поднял большой палец:

— Если у тебя есть такая решимость, я спокоен. — С этими словами он ловко выудил из-за пазухи Ли Чжи его кошелек и усмехнулся: — Ты же обещал доплатить, так что я не стесняюсь. — Он с самым невинным видом сунул кошелек себе за пазуху.

Ли Чжи в ярости протянул руку, чтобы отобрать свое, но Са Мо ловко увернулся и пулей влетел обратно в дом. Ли Чжи оставалось лишь досадливо вздохнуть и поплестись следом.

Юань Чжань сидел внутри и наблюдал за тем, как Са Мо и Ли Чжи разговаривали на балконе, видел выражение лица Са Мо, которого раньше никогда не замечал. Он понимал, что у того наверняка есть свои душевные раны, о которых он ничего не знает. И он начал завидовать Ли Чжи — из-за того, что в их общем прошлом, полном опасностей, его не было. Он упустил так много из жизни Са Мо, и теперь уже не успеть наверстать. Он завидовал той близости, что была между Ли Чжи и Са Мо — искренней, без всякой дистанции. Хотя он не любил слово «братство», но, вероятно, настоящие братья именно так и выглядят.

В этот момент Са Мо вбежал внутрь, увидел пустую тарелку из-под фруктов и закричал:

— Вы резали фрукты и не позвали нас?!

Сы-нян и Цзысу проигнорировали его, продолжая обсуждать свои девичьи дела.

Саньпао взял кусочек дыни со своей тарелки и протянул вошедшему следом Ли Чжи:

— Босс, это я вам оставил. — Он наклонился к уху Ли Чжи и прошептал: — Это Сы-нян намекнула, чтобы я приберег для вас.

Ли Чжи просиял, украдкой глянул на Сы-нян и, тихо сев в сторонке, принялся за угощение.

Са Мо, подбоченившись, уставился на них:

— Бессовестные!

Только он закончил фразу, как Юань Чжань пододвинул к нему свою тарелку:

— Это тебе.

Увидев большой кусок дыни, Са Мо пришел в восторг, мгновенно пересел к Юань Чжаню и с выражением бесконечной благодарности произнес:

— Всё-таки ты ко мне лучше всех относишься. — С этими словами он принялся с аппетитом уплетать дыню и, жуя, сказал Юань Чжаню: — А-Чжань, как только закончим с этим делом, я увезу тебя подальше, в такое место, где нас никто не найдет, и мы как следует оторвемся.

Юань Чжань мягко улыбнулся ему:

— Хорошо.

На следующее утро Са Мо рано ушел в Далисы. Юань Чжань в одиночестве позавтракал, прогулялся с Чжан Су по местному рынку, а в обед настоял на том, чтобы поесть лепешек в маленькой лавке, прямо как местные жители из Сиюя, запивая их супом из бараньих потрохов и едя руками. Видя испуганное лицо Чжан Су, он спросил своим обычным холодным тоном:

— Хочешь попробовать?

Чжан Су смущенно взял лепешку и осторожно откусил кусочек. «Господин, — подумал он, — где вы набрались таких привычек? Неужели вы и правда решили слиться с толпой?»

Юань Чжань не обращал на него внимания — он просто хотел прочувствовать эту легкость и свободу.

Пообедав, они еще немного побродили и вернулись во Фаньшэ.

Едва они вошли, Сы-нян сказала:

— Господин Юань, вы вернулись. Вас искали. — Она проводила его к столику на балконе.

Там сидел молодой человек в роскошных одеждах. Увидев Юань Чжана, он поспешно встал, почтительно поклонился и сказал:

— Кузен, я вас давно жду.

Человеком, назвавшим Юань Чжана кузеном, был Инь Цзюнь, второй сын знаменитого клана Инь. Предки семьи Инь поколениями занимались торговлей зерном и лекарствами, а со временем расширили бизнес, начав поставлять сельскохозяйственные и промышленные инструменты, а затем и снабжать армию. Вскоре они стали богатейшим кланом Даляна, чьи лавки и банки были разбросаны по всей стране.

По традиции клана Инь, старший сын наследовал дело, а остальные могли выбирать: идти на государственную службу или заниматься наукой. За несколько поколений клан Инь пустил корни в торговле, политике и литературе, поддерживая друг друга и оставаясь могущественными. Отец Инь Цзюня, старший сын, управлял семейным делом, а младший брат, сделав карьеру при дворе, стал премьер-министром. Его сестра, благородная супруга Инь, родила императору Ляну двух сыновей, одним из которых был Юань Чжань. Его настоящее имя — Сяо Цзинъюань, шестой принц Даляна, Чжань-ван. Юань Чжань — это имя, которое он использовал в путешествиях, хотя оно ему нравилось больше, и он не хотел признавать свою принадлежность к императорской семье. Инь Цзюнь и Юань Чжань были двоюродными братьями по матери.

Инь Цзюнь, как и его отец, помогал вести семейные дела, а в политику лезть не хотел. Он был человеком легким на подъем: торговля в сочетании с путешествиями его вполне устраивала. В этот раз Инь Цзюнь отвечал за торговую миссию в Наньчэн, и Юань Чжань приехал сюда с их караваном.

Они сели, и Инь Цзюнь сказал:

— Фаньшэ, где ты остановился, куда лучше, чем те постоянные дворы.

— Разумеется, это лучшая гостиница в Наньчэне, — ответил Юань Чжань.

Инь Цзюнь вздохнул:

— Хорошо тебе, ничего не делаешь, небось уже все интересные места в Сиюе облазил. Не то что я — целыми днями переговоры, даже передохнуть не дают, гонят обратно.

— Можешь не возвращаться, — лениво поддразнил его Юань Чжань. Он испытывал симпатию к этому кузену за его простой ум и ясность мыслей. Простота — не признак глупости, а выбор человека, который знает, что к чему.

— Я бы с радостью, — уныло ответил Инь Цзюнь, затем покосился на Чжан Су и со злой усмешкой предложил: — Может, ты сам повезешь караван обратно, а я останусь с кузеном еще на пару дней?

Чжан Су в испуге замахал руками:

— Второй молодой господин, не шутите так. Я всего лишь слуга, как я могу справиться с таким важным делом?

— Брось, не скромничай. Я прекрасно знаю, на что ты способен. Твоему умению всё просчитывать я сам завидую, — искренне сказал Инь Цзюнь.

Юань Чжань серьезно подумал:

— Думаю, это возможно. Чжан Су, ты вполне справишься.

Чжан Су побледнел:

— Господин, даже если я оправдаю ваше доверие, дома мне не простят, что я оставил вас и вернулся один. Не губите меня!

Юань Чжань и Инь Цзюнь расхохотались. Трое мужчин смотрели друг на друга, чувствуя странную общность судьбы: внешне — люди высшего сословия, не знающие бед, а на самом деле — связанные по рукам и ногам долгом и правилами.

Чжан Су с детства был при Юань Чжане. Хотя они были господином и слугой, но выросли вместе, и Чжан Су знал Юань Чжана лучше всех. Инь Цзюнь тоже был частым гостем в их детских играх. Поэтому, когда никого не было рядом, они могли общаться без чинов.

Чжан Су взглянул на небо:

— Пойду распоряжусь насчет ужина.

Юань Чжань спросил Инь Цзюня:

— Когда отправляешься?

— Послезавтра, — неохотно ответил Инь Цзюнь. — А ты? Когда собираешься домой?

Юань Чжань прямо ответил:

— Не хочу возвращаться.

— Тише, не говори так при Чжан Су, он же в обморок упадет.

Юань Чжань усмехнулся:

— Иногда я даже не понимаю, кто из нас хозяин — я или он. Кажется, это я действую по его

указке.

— Ну, тебе приходится слушаться, у него за спиной сама благородная супруга, — Инь Цзюнь произнес это тихо. В чужих краях лишняя осторожность не помешает.

Юань Чжань беспомощно улыбнулся.

Мать Чжан Су была личной служанкой благородной супруги Инь, они выросли как сестры. Супруга Инь знала, как опасен дворец, и не хотела, чтобы подруга поделила её участь, поэтому выдала её замуж за хорошего человека. Мать Чжан Су, в знак благодарности, отправила своего сына во дворец прислуживать Юань Чжаню. Благородная супруга Инь постоянно вызывала Чжан Су к себе, расспрашивая о каждом шаге сына. Юань Чжань знал об этом, но не препятствовал — пусть докладывает, ему нечего скрывать.

Когда подали еду, Сы-нян принесла блюдо:

— Это новинка нашего заведения — мясо с лапшой из маша, сегодня бесплатно. — Она наклонилась к Юань Чжаню и прошептала: — Идея Са Мо, если невкусно — вините его.

Юань Чжань спросил:

— А ты хочешь, чтобы это было вкусно или нет?

Сы-нян довольно кивнула:

— Отвечай, что невкусно.

— А если окажется вкусно? — не унимался Юань Чжань.

— Тогда скажи при нем, что невкусно, у меня появится повод его отчитать, — ответила Сы-нян, выпрямилась, вежливо улыбнулась Инь Цзюню: — Приятного аппетита, — и, гордо развернувшись, ушла.

Глядя ей вслед и представляя, как Са Мо будет снова сражаться с Сы-нян, Юань Чжань невольно рассмеялся.

Инь Цзюнь, заметив, как Юань Чжань перешептывался с хозяйкой, а потом смотрел ей вслед, многозначительно протянул:

— Кузен, теперь я понимаю, почему ты не хочешь домой. Оказывается, ты так близок с такой колоритной хозяйкой. — Он вдруг осекся, подумав: «Он же вроде не интересуется женщинами». — Ты что, из-за неё изменил своим предпочтениям?

Юань Чжаню было лень объясняться, и он решил подыграть:

— Ты не знаешь, Сы-нян — героиня среди женщин, характер у неё тверже мужского. Если бы ты видел, как она ругается, ты бы оценил её властность.

Инь Цзюнь выдавил сухую улыбку:

— Вот оно что... — «Странные у кузена вкусы», — подумал он.

Юань Чжань, едва сдерживая смех, пригласил его:

— Ешь, ешь.

После ужина, проводив Инь Цзюня, Юань Чжань немного поболтал с Сы-нян. Было уже поздно, а Са Мо всё не возвращался.

— Са Мо опять не придет? — спросил Юань Чжань.

Сы-нян злобно проворчала:

— Хм, Ли Чжи эксплуатирует нашего Са Мо! Ну ничего, за сверхурочные придется платить вдвойне.

Вспомнив, как вчера на балконе Са Мо выудил кошелек Ли Чжи, Юань Чжань подумал: «Оказывается, Ли Чжи — самый несчастный человек в Фаньшэ, его обдирают по очереди». Однако он не знал, что его самого, как жирную овцу, эти двое обдирают сильнее всех.

<http://bllate.org/book/19379/1895089>